

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Николай и Светлана
Пономарёвы

Просто жить!

Светлана Витальевна Пономарёва
Николай Анатольевич Пономарёв

Просто жить!

**Серия «Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68833110

Просто жить!: Издательство «Детская литература»; М.; 2021

ISBN 978-5-08-006346-6

Аннотация

У 15-летних Иры и Матвея лето не задалось с самого начала. Ира пребывает в тоске из-за развода родителей, Матвей – в депрессии из-за ссоры с любимой девушкой. Ира готова сбежать из дома, чтобы не слышать взаимных родительских упреков и оскорблений, Матвей всерьёз подумывает свести счёты с жизнью. И оба убеждены, что мир устроен неправильно и, кроме боли и пустоты, их в будущем ничего не ждёт.

Обозлившись на весь белый свет, ребята ещё не знают, что всего через несколько дней у них появятся новые друзья, придёт настоящая любовь, а с ними вернутся доверие и добрый настрой к миру.

И всё это благодаря неделе, проведённой в заброшенном лагере на берегу озера.

Повесть стала лауреатом III Конкурса имени С. Михалкова под первоначальным названием «Вы существуете».

Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

О Конкурсе	8
Просто жить!	12
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Николай и Светлана Пономарёвы Просто жить!

© Пономарёвы Н. А. и С. В., 2012

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Садердинова М. Х., иллюстрации, 2021

© Макет. АО «Издательство «Детская литература», 2021

О Конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почётным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушёл из жизни. В память о нём было решено проводить конкурсы регулярно, что происходит до настоящего времени. Каждые два года жюри рассматривает от 300 до 600 рукописей. В 2009 году, на втором Конкурсе, был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ».

В 2018 году подведены итоги уже шестого Конкурса.

Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри:

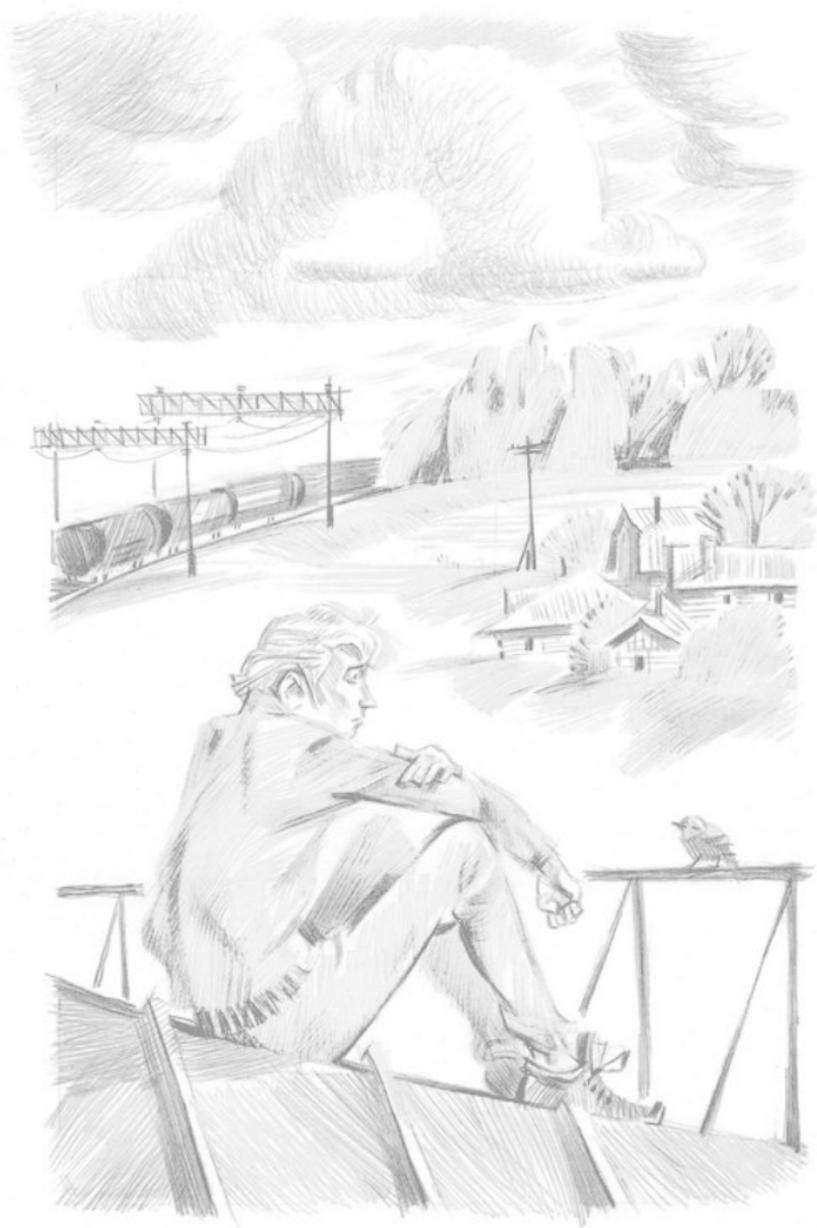
взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его подростковом «секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

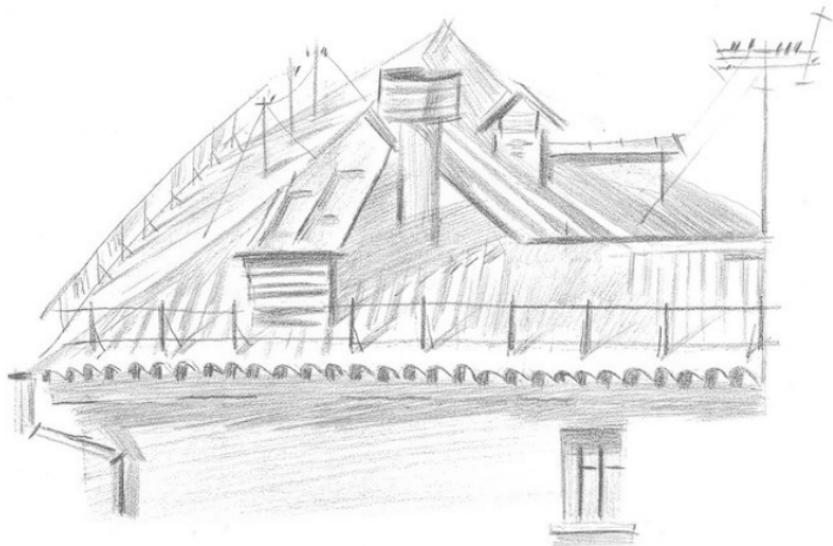
С 2014 года издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. К началу 2020 года в серии уже издано более 50 книг. Вышли в свет повести, романы и стихи лауреатов шестого Конкурса. Планируется издать в лауреатской серии книги-победители всех конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для

детей и юношества» именно за эту серию.

Просто жить!

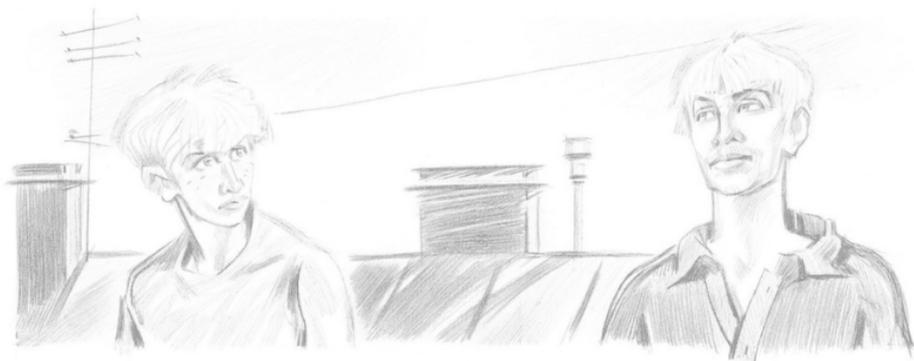

Матвей

Оказывается, с нашей крыши отлично видно окрестности. Вот по железной дороге идёт поезд. Громыхая вагонами и цистернами, ползёт червячищем, теряется за поворотом. За железной дорогой – озерко, больше похожее на болото. Всё заросло камышом. Дальше – покосившиеся домики дачного хозяйства. Это если смотреть вперёд. Если повернуться на-

право, можно увидеть дом, где живёт Юля. Обычная старая трёхэтажка, вся крыша которой в разноцветных заплатах: светлый шифер, шифер потемнее, совсем старый, лист железа... Я смотрю на крышу, чтобы не посмотреть ниже. Там – её окно. В окно смотреть глупо. Юлю я не увижу. Собственно, я вообще больше ничего не увижу. Потому что умру.

Мне захотелось плакать. «Понимаешь, Матвей, я тебя не люблю». Понимаю, прекрасно понимаю. Плакать нельзя. Плакать глупо и поздно. Свою бесполезность этим не отметишь. Я подошёл к краю и глянул вниз – высоко. На железное ограждение сел воробей, наклонил голову. Показалось, что он хитро прищуривается. Я ещё раз посмотрел вниз, чтобы убедиться, что там – никого. Нехорошо будет упасть на кого-то...

Я отошёл подальше. Надо разбежаться и прыгнуть. Непонятно, почему так дрожат ноги... Дрожь такая сильная, что,

чтобы унять её, мне пришлось присесть. Ничего, можно немного посидеть и успокоиться, а потом уже прыгать. Сейчас я встану, и...

– Это пятиэтажка, парень! Не убьёшься – только покалечишься. Будешь на инвалидной коляске всю жизнь ездить.

Я вскочил. Гóлоса на крыше быть не должно. Он был там настолько же невероятен, как если бы, к примеру, вдруг расступились облака и Бог оттуда сказал бы мне: «Не прыгай». Ну или Юля бы вернулась и сказала, что любит.

Я медленно повернулся. Чуть позади меня, за домиком технического выхода, стоял незнакомый дядька. Молодой, в чёрной футболке и джинсах, белобрысый. В руках у него был толстый журнал.

Пытаясь понять, как он тут оказался и почему я его не видел, когда поднялся, я успел задать тупейший вопрос:

– А вы кто?

– Я-то? – Он почесал пальцем нос и пошёл ко мне. – Ну не Карлсон уж точно. Потому что не упитан, не в расцвете лет и на крыше не живу. Хотя, конечно, жаль. Здесь здóрово.

Теперь он стоял прямо напротив меня. И был даже ненамного выше. И ненамного крепче. Глаза у него были серого цвета, как старый шифер на Юлиной крыше. Я подумал, что, если сейчас рвану прыгать, он меня не удержит – не настолько сильный. Вероятно, он подумал то же самое или умел читать мысли, потому что сказал:

– Удержать я тебя, может, и не удержу, но попытаюсь.

Грохнемся вместе. И ты будешь всю жизнь мучиться, что человек из-за тебя пострадал.

– А если не буду? – огрызнулся я.

– Будешь-будешь, – уверенно сказал он. – Так что придёт-ся тебе поменять планы на сегодня. Меня, кстати, Олегом зовут.

И он протянул мне руку. Рука была холодная и сухая.

– Матвей, – сказал я.

Воробей с ограждения потерял ко мне интерес и улетел, чуть не задев наши головы.

Олег снова почесал нос:

– В этом доме живёшь-то?

– В этом.

– И я теперь в этом. В крайнем подъезде. Позавчера переехал.

Я смутно вспомнил, что да, позавчера вечером у дома стоял небольшой фургончик и кто-то оттуда носил вещи. Мы как раз гуляли с Юлей.

Юля... Я почувствовал себя круглым идиотом. Меня уже не должно было быть. А я стою тут и разговариваю с каким-то дядькой, который, не успев переехать, карабкается с журналом на крышу. А Юля меня бросила. И получается – я всё потерял. Обидно потерять всё в пятнадцать лет. К глазам снова подступила противная солёная влага, и я закинул голову, чтобы не заплакать. Типа меня очень интересует, что там, в небе.

– Облака красивые нынче, да, – помог мне Олег. (Точно, мысли читал!) – Матвей, у меня к тебе просьба. Ты уже знаешь, что я только переехал. Раньше тут моя бабушка жила. Так вот, она плиту угробила. Ну, то есть совсем, а новой пока нет. Может, ты меня в гости позовёшь, чай попить? А потом я у тебя кипятка наберу в термос. Спасёшь меня, правда!

Я наконец справился со слезами. Хотя ощущение идиотизма ситуации не прошло. Мир рухнул, а люди в нём всё ещё хотят пить чай и беспокоятся о плите.

Олегова телепатия, кажется, закончилась. Потому что он не в тему сказал:

– Не бойся, я точно не маньяк.

Я хохотнул. Маньяк был бы лучшим выходом. Убил бы меня, да и всё. Он тоже улыбнулся:

– Хотя в школе меня иногда дразнят «маньяком». Заочно, конечно. Экологическим маньяком. Я учитель биологии. И ещё веду экостудию.

Тогда всё понятно. Учитель – это диагноз. Учитель не даст ребёнку прыгнуть с крыши. Даже если абсолютно не любит детей.

– Пойдём? – уточнил Олег.

Я пожал плечами. Как ни крути, теперь выбора уже нет. Придётся заняться кипятком. А на крышу можно и потом вернуться. Может быть, в следующий раз ноги не задрожат?

Ира

Все сволочи. А главные – безусловно, мои родители. Нет, раньше они были вполне ничего: маменька выгуливала меня в парке, а папенька покупал конфеты. Только было это в лохматой древности. Потом всё стало хуже, потом ещё хуже и, наконец, наступил финал. Папенька заявил маменьке, что у него случилась любовь и от нас он уходит. Ну как бы уходишь – и уходи, если ты порядочный человек, а не сволочь. Так нет же. Сказал, что уходит, а сам так и болтался дома, выясняя с маменькой, кто кому больше нагадил за последние двадцать лет и кому что достанется из вещей. В пылу выяснений они постоянно орали и пару раз даже подрались. После стычек оба вспоминали обо мне и начинали прикапываться. На тему, что учебный год закончился и пора бы мне меньше болтаться дома, а лучше пойти устроиться поработать: сажать цветочки на улицах или расклеивать объявления. К сожалению, сажать цветочки брали только детей из неблагополучных семей, чтобы те не хулиганили летом. А я была из семейки благополучной. Ха-ха!..

Хорошо хоть с «мирных» времён у меня остался велик. С утра я садилась на него и уезжала за черту города. Туда, за облезлые гаражи, набитые ржавыми «москвичонками», за железную дорогу, по которой составы громяхают ничуть не тише, чем мать орёт на отца. До маленькой реки, почти ру-

чья. Там, на берегу, у журчащей воды, было так спокойно. Там можно было загорать, бросать в воду камешки и, если бы не чувство голода, можно было бы там и жить. К сожалению, Бог не создал человека с автономным питанием, и рано или поздно мне приходилось возвращаться в город. А там – ехать домой, потому что денег на еду у меня не было, а подруги, как назло, уже разъехались по морям и дачам.

В одно такое обычное июньское утро я вытащила велосипед со двора и остановилась у ограды школы. Погода явно портилась: откуда-то налетел холодный ветер, небо горстями кидало вниз мелкие капли. И дождя-то ещё не было – так, брызнет и прекратится. Но день явно не обещал ничего хорошего. Я стояла у школы, злая, полуголодная, и понимала, что скоро стану ещё и замерзающей. Жизнь явно складывалась в отвратительный пазл. Те кусочки, что были терпимы, переворачивались, и картина мрака становилась полнейшей. Финальным аккордом стали кроссовки. Они жали. Конечно, я подросла за май, и, конечно, предки этого не заметили. Но если ветровку можно было носить и с куцыми рукавами, а джинсы – как «семь восьмых», с обувью ты ничего не поделаешь. Выросла – значит, выросла. Меняй или мучайся. Мне светило только второе.

Я пнула неудобной кроссовкой ограду. Не полегчало.

И тут с крыльца школы сбежал и пошёл в мою сторону наш биолог-эколог. Естественно, сволочь, как и все люди. Ему было наплевать на всё, кроме природы. А человек как будто должен над собой работать, чтобы уловить природное волшебство и научиться жить в гармонии с этим волшебством. Хотя, так подумать, зачем? Зачем жить в гармонии? И зачем вообще жить? Пара атомных бомб – вот тебе и полная гармония: ни человека, ни природы.

Ручаюсь, в нашей десятой параллели никого из девчонок не волновали ни парниковые эффекты, ни озеленение, ни промышленные выбросы. Тем не менее большая часть народа не только не пропускала биологию, но ещё и в экостудию ходила. И рефераты там писали, и на конференции какие-то мотались. Исключительно ради этого вот Олега Сергеевича. Хотя что в нём такого? Белобрысый и нос картошкой. Наша староста Ксюха Громова так вообще «крышей» на его персоне поехала. Я считаю, тупейшее это занятие – влюбляться в учителей. Почему человечество столетиями этого не поймёт?

Эколог на ходу поёжился – видимо, и ему было не по себе в лёгкой футболочке – и увидел меня:

– Привет, Ира!

Здороваться не хотелось. Но всё-таки он учитель, а я не из наглых хулиганок, а, наоборот, из твёрдых четвёрочниц. Ещё таких «ударниками» называют. Ударенные, мол, люди: от-

личниками им стать слабо, вот и ползут где-то рядом. Впрочем, по биологии у меня всегда «пять».

– Здравсте, Олег Сергеевич.

Он притормозил. Эта его манера тоже раздражала: стоит на него в школе или на улице глянуть, он замедляется, как будто ждёт, что задашь вопрос и начнёшь общаться. Безусловно, удобно, если и в самом деле вопрос есть, а если нет? И вообще, так больше никто из учителей не делал. Потому что никто больше не страдал манией величия и не считал себя со своим предметом главнейшим в мире в целом и школе в частности.

– Ты не ко мне, случайно? Не насчёт поездки?

Ну да, вот оно. Мания величия, как по учебнику.

Я помотала головой, но тут осознала слово «поездка». Поездка. Это значит – уехать. Из города. От родителей.

Я покивала, припоминая, что да, куда-то его студия в июне собиралась, Ксюха об этом в классе жужжала вдохновенно. Но я-то в студию не ходила. То есть сходила пару раз в сентябре, а потом бросила, не хватало времени после секции лёгкой атлетики. А бегать и прыгать я люблю больше, чем речи об экологическом конце света. Неужели и мне можно поехать??

Матвей

Всё-таки Олег сбил меня с толку этим своим кипятком.

Уже дома я понял, что с плитой у него, скорее всего, всё в порядке, ну или проблемы, но не такие уж. Просто он хотел увести меня с крыши, чтобы не пришлось лететь вместе. Когда я это понял, мне стало совсем плохо. Даже чай, который мы с ним сели пить, не проглатывался. Наверное, потому что вместо всех положенных внутренних органов во мне была огромная чёрная глыба. И я отчётливо это ощущал. Ледяные виски, ледяные руки и чернота в животе. Олег что-то говорил. Он вообще постоянно говорил. Это было неприятно. Я решил, что, как только выставлю его за дверь, никогда больше с ним общаться не буду. Даже не поздороваюсь. Но он как-то не спешил уходить. Из кухни потащился в комнату. Поразглядывал мой стол, полки над ним. Под стеклом на столе лежала Юлина фотка.

– Только не говорите, что вас тоже в пятнадцать лет бросила девушка и вы хотели прыгнуть с крыши. Но потом передумали, и теперь всё прекрасно, – предупредил я.

Он кивнул. Но не удержался и сообщил, что его бросали даже несколько раз. Неудачник.

Я перестал обращать на него внимание, лёг на свой диван и отвернулся к стене. Но он всё равно не ушёл, сел на другой диван – мамин. И продолжил общение. Если бы я вообще молчал, картина стала бы достойна психушки. Поэтому пришлось отвечать. Да, живу с мамой, отца нет и не помню. Учусь в гимназии, посредственно. Занимался плаванием, но бросил. К биологии равнодушен, к экологии в принципе то-

же. Если уж быть честным, сейчас в мире меня только Юля интересуется. А её интересуется кто-то другой. Поэтому она со мной встречалась, пока было нечего делать, а теперь перестала. И куда мне теперь, спрашивается, деваться?

У него и тут нашёлся ответ. Надо отвлечься. Поехать в какой-то заброшенный лагерь на берегу озера. В экологическую экспедицию. Помочь планете и себе сразу.

А если я уеду, а Юля вдруг решит, что зря меня прогнала? Позвонит домой, но меня не будет? Позвонит на мобильный, а я буду далеко и не смогу сразу прибежать?

Я отказался. Потом ещё раз отказался. Через полчаса – ещё раз, и довольно грубо.

В конце концов я его доконал. И он собрался уходить. Как мне показалось. Но он только потоптался в коридоре и припёрся назад. Потом силком развернул меня к себе и сказал, что выбор у меня остаётся в принципе не очень большой. Или я могу решать свою проблему сам и начинаю действовать в этом направлении, а именно отпрашиваюсь у мамы и еду из города, отвлекаться. Или я уже не могу сам ничего решать, и мне требуется медицинская помощь, как суицидально настроенному подростку.

– Отвалите от меня, а? – психанул я, выдёргивая руки из его захвата. – Надо было прыгать с крыши вместе, зря я вас пожалел!

– Время покажет, зря или нет. – Металл из его голоса исчез, и он снова добродушно улыбался.

Но я уже понял, что доброта его липовая. И если я прямо сейчас не соглашусь ехать с ним, меня запросто закатают в дурдом. И после этого Юля ни за что не изменит своего решения. Зачем ей псих? Кстати, возможно, и с крышей я поторопился, после этого тоже нельзя было бы ничего поменять. А так, может, у меня есть шанс? Надо только постараться забыть это «я тебя не люблю». Так же бывает: сегодня не любит, а завтра уже любит. Может, я как-то не так себя вёл с ней?

– Хорошо, я согласен. Лагерь так лагерь.

Он наклонил голову и подозрительно на меня посмотрел.

– Да не вру я. Когда едем?

– Вообще-то завтра утром.

– Ну отлично. Только идите уже домой, а? Если честно, меня от вас тошнит.

– Меня от тебя тоже. – Он засмеялся. – Я всё-таки останусь. Почитаю посижу. Когда мама с работы возвращается?

– Скоро, – сказал я.

Конечно, мама меня отпустила. Она была не в курсе, что мы с Юлей поссорились, но ей не нравилось, что я постоянно болтаюсь дома и во дворе один. Так можно запросто попасть в плохую компанию. Олег ей, видимо, сразу показался компанией хорошей. А на то, что я выгляжу чуть живее смерти, она внимания не обратила: после работы не до таких мелочей. В итоге Олег убрался к себе с бумажкой-разрешением на мой выезд не пойми куда, не пойми с кем, мама принялась

готовить ужин, а я лёг спать.

Было ещё рано, но день меня просто вымотал. Такое ощущение, что от меня всё это время подпитывалось стадо вампиров. Брр... Когда я закрыл глаза, появилась Юля, снова со своим «я не люблю». Я очень напрягся и выбросил «не». Как будто она говорит: «Понимаешь, Матвей, я тебя люблю». Конечно, это был обман, но...

Ира

С утра девятого июня я побросала в свой выдавший виды рюкзак несколько пакетов какой-то крупы, гороха, пару банок невесть как завалявшейся дома сгущёнки, захватила сменную одежду и отправилась в «экологическую экспедицию».

Конечно, экспедиция – это было слишком сильно сказано. Экспедиция – это когда уезжаешь далеко и надолго, в тайгу или тундру. Мне бы сейчас такой вариант очень подошёл. А ехали мы всего лишь за город, на какое-то банальное озеро. Очищать его берег от последствий некультурного отдыха горожан. И ехало нас мало – человек шесть, как я поняла. То ли потому, что работы будет мало, то ли других кружковцев мамы с чокнутым экологом непустили. Меняпустили легко. Даже были рады. Маменька не глядя подписала мной же написанное разрешение и тут же обо мне забыла.

Сбор был назначен на одиннадцать утра, но я пришла к де-

сяти. Уж лучше тут поторчать, чем дома. Было тихо, так тихо, что я подумала, что в школе идёт экзамен. На пришкольном участке какие-то шпендики молча и сосредоточенно поливали клумбы. Я бросила рюкзак на асфальт возле черёмухового куста и села. Приятно вытянуть ноги, когда обувь натирает.

Первые полчаса ничего не происходило, за исключением того, что шпендики закончили поливать, смотали шланг и вместе с ним пропали. Потом появился Кирюша Михайлов. Кирюша был пухлый ботан из нашего класса. Типичный такой ботан – из тех, кого по десятый класс включительно мама записывает во всякие там кружки, а после школы ждёт дома с подогретым обедом. Вообще, таким за город на подножный корм ехать вовсе не полагается, но, очевидно, мама узрела великое экологическое Кирюшино будущее и таки оторвала его от сердца. Впрочем, пока не оторвала, так как пришли они вместе.

– Кирюша, привет! – громко поздоровалась я с ним.

Кирюша услышал, невразумительно помахал мне рукой и всем видом показал, что он с мамой и ему не до меня. А потом встал так, чтобы меня не видеть. Ну и фиг с ним.

Вторым появился сам эколог. Сияющий, как июньское солнце. Успел одновременно улыбнуться нам всем и тут же попал в лапы Кирюшиной мамы. Вероятно, та стала выяснять подробности того, как сыночек проведёт время. С Олегом Сергеевичем пришёл незнакомый парень, вообще не из

нашей школы. Но тоже с рюкзаком. Наверное, собирался ехать с нами. Парень как парень, невысокий, худой, светло-волосый, в мятых камуфляжных штанах и защитного цвета футболке с длинными рукавами. Рюкзак он, как и я, бросил на асфальт, сел на него и практически уткнулся лицом в коленки. Как будто его коленки были самым интересным местом на школьном дворе.

Я снова переключилась на Кирюшу, прикидывая, не смущает ли того настойчивость его мамочки. По Кирюше было непонятно. Наконец Кирюшина мама оторвалась от Олега Сергеевича и, потрепав сыночка по щеке, удалилась. Фу!..

Потом пришли Ксюха Громова и Оля Майер. Наверное, просто встретились по дороге, потому что подружками они не были. Если так сильно различаешься, то дружить никак не получится. Это как мне с Кирюшей быть женихом и невестой.

Ксюха была активисткой, и не просто, а старостой класса. Это само по себе ненормально – быть старостой класса пять лет подряд, так она о себе ещё невеста что возомнила. Будто она самый главный помощник классной, что мы должны быть коллективом, все дружить, стоять друг за друга горой, а кто не согласен, тот дурак. Но на самом деле сама училась так себе. Просто надо же было как-то выпендриться. Она очень расстроилась, когда узнала, что я тоже еду в эту их «экспедицию». По её мнению, эту честь надо было заслужить, а не просто в последний момент попасться на глаза Олегу Серге-

евичу.

Оля была мне более симпатична, может быть, потому, что она училась в параллельном классе и всего год. Так вот, если Ксюха своими пропорциями напоминала танк, то Оля – одуванчик. Или нет, одуванчик напоминал Олю. Под черёмухой, у которой я устроилась, таких Оль росло штук десять. У неё были светлые короткие волосы, которые немножко торчали в разные стороны, мне казалось, что если она ими как следует тряхнёт, то они разлетятся. Как пух у одуванчика. Но Оля как раз двигала головой очень редко. Может, из-за желания сохранить волосы, а скорее потому, что была тормозом. Нет, в хорошем смысле тормозом. Такие никаких глупостей делать не будут, маму расстраивать не будут. Может быть, она даже стихи писала где-нибудь в темноте под подушкой.

Я хмыкнула. Пора мне было отдать дурацкое разрешение от своих родителей. Девочки сдержанно поздоровались со мной. Олег Сергеевич прочитал писульку, будто это было что-то очень важное, и сказал:

– Отлично!

Он сунул бумажку в карман и ушёл в школу. Парень, который пришёл с ним, оторвал лицо от коленей и посмотрел ему вслед таким закумаренным взглядом, что я подумала, что он с бодуна. Или того хуже. И поэтому, кстати, такой лохматый, помятый и бледный.

Последними пришли Алмаз Наурызбаев и Егор Ерёмин.

Алмаз выглядел как очень подросший птенец. То есть до

роста стандартного десятиклассника он ещё не добрался, но голубя уже значительно перерос. Ещё он напоминал монголо-татарского завоевателя, потому что родители у него были казахами. Но поработить мир он мог только одним доступным ему способом: прожрав всем мозг старыми анекдотами. Особенно старые он пересказывал по два-три раза, для лучшего эффекта, ну и ещё потому, что забывал, кому что рассказывал. Кроме прочего Алмаз слегка заикался, поэтому по параллели десятых классов его манеру рассказывать анекдоты пародировали, на что он, впрочем, не обижался. Он вообще был не обидчивый, компанейский и к тому же отлично пел. Мама Алмаза работала учителем музыки.

Егор был из разряда мальчиков-мачо, которые на самом деле чмо. Я его как-то побила в пятом классе так, что вызывали родителей, и с тех пор мы не особенно общались. До десятого класса он хоть внешне был более-менее нормален. Но в этом году вытянулся, зачем-то подстригся почти под ноль и теперь напоминал лопухий вопросительный знак. Наверное, он полагал, что так должен выглядеть герой-любовник и теперь на нём повиснут все девчонки. Но на самом деле смотрелся как смазливый браток-неудачник, которого должны застрелить на восьмой минуте кинобоевика. Максимум на десятой. А ещё в этом году Егор повадился путаться у меня под ногами, как будто назло. Чтобы меня это бесило. Куда ни придёшь, а уже Егор нарисовался. Лучше бы я его в пятом классе совсем прибила.

– Привет, девчонки! – сказал Егор.

Ксюха и Оля поздоровались, Кирюша, как будто тоже девчонка, помахал ему рукой. Полуживой парень снова оторвался от коленей, но совсем ненадолго, только мельком глянуть на Егора.

– А ты чего припёрся? – спросила Ксюха. – Ты ведь на кружок не ходил.

– Почти, – поправил её Егор и, приняв позу, возвестил: – Я, девчонки, недавно посмотрел фильм о конце Земли. Надо спасти природу!

– К-короче, анекдот про с-спасение природы, – влез Алмаз. – «Раздаётся звонок. Берут трубку. Там г-голос: „Это Г-гринпис? У нас п-проблемы. На дереве в нашем дворе сидит почтальон и оскорбляет мою с-собаку“».

Кирюша хохотнул, Егор снисходительно улыбнулся и повернулся ко мне.

– Иришка, чего не здороваешься? – слащаво пропел он.

– Привет, Алмаз, – ответила я.

– П-привет, – сказал Алмаз удивлённо, потому что я редко с ним здоровалась.

– Ну не хочешь здороваться, как хочешь. – Егор поставил сумку и принялся разглядывать Олю с Ксюхой, будто они его жёны из гарема, а сейчас пора выбрать дежурную на ночь.

К счастью, из здания школы вышел Олег Сергеевич.

– Ну что, все? – спросил он.

– Все, Олег Сергеевич! – отчиталась ему Ксюха.

– Егор, давай своё разрешение от родителей, – сказал он. – И всё внимание на меня, нам нужно принять несколько важных правил.

Мы столпились вокруг эколога. Рядом со мной оказалась Оля. Незнакомец с отсутствующим видом с рюкзака так и не встал, и всё, что я могла наблюдать, – это его затылок, спину и родинку на шее. Но в принципе на кого тут ещё было смотреть? Не на Егора же.

– Итак! – провозгласил Олег Сергеевич. – Мы едем в экологическую экспедицию. Я за вас отвечаю, поэтому нужно принять несколько правил работы, которых мы будем придерживаться ежесекундно. Те, кто принимал правила в кружке, потерпите повтор, потому что состав участников поменялся. Новенькие тоже должны быть в курсе. Тот, кто не захочет принимать правила, может сразу идти домой. Понятно?

Оля кивнула. Хотя новенькой была явно не она.

– Я буду называть правило, а те, кто согласен с ним, будут поднимать руку.

– Какую руку? – задал дебильный вопрос Егор.

– Свою, правую или левую, – пояснил Олег Сергеевич.

При этом Оля и Ксюха хихикнули.

– Первое правило: никакого табака и алкоголя. Согласны?

– Да! – сказали Алмаз и Ксюха одновременно.

– Руку поднимайте! – зашипела на них я, потому что нельзя быть такими дураками, сказали поднять руку – подними молча. Неужели они и в студии так тупили?

– А коноплю? – спросил Егор.

– И это тоже нельзя, – спокойно сказал Олег Сергеевич.

– Второе правило: никаких серьёзных физических контактов. Запрещены драки, поцелуи и тому подобное. Можно обнимать друг друга, здороваться за руку.

– А с-секс? – ради хохмы вставил Алмаз.

– Алмаз, ты дурак, – сообщила очевидное Ксюха.

– И секс, – терпеливо уточнил Олег Сергеевич. – Итак, голосуем.

Все подняли руки. Даже этот, с рюкзака.

– И последнее правило: позитивное общение. Не стоит никого называть дураками, мы здесь все замечательные люди.

На этот раз никто не стал плоско шутить. Все подняли руки. Мне стало интересно, как теперь Ксюха будет всем сообщать, что только она умная? Или как мы обойдёмся без ма-

тов?

– Отлично! – радостно сказал Олег Сергеевич.

– Фигня, – вдруг мрачно пробормотал полуживой парень своим коленкам. – Надо было делать правило – все слушаются вас. И всё решено.

Я повернулась. Парень поднял голову и смотрел чуть мимо меня. Глаза у него были светло-коричневые, как некрепкий чай. А вообще лицо довольно приятное. Вырастет в отличную сволочь.

Олег Сергеевич заулыбался:

– У нас демократия: сами приняли правила, сами и выполняйте. Иди сюда, Матвей.

Камуфляжный таки отклеился от своих пожитков и выполз вперёд.

– Это Матвей, он не из вашей школы, но тоже едет с нами. В общем, я думаю, что вы познакомитесь и сработаетесь.

Тем временем в школьный двор вкатилась раздолбанная «газелька». Мы погрузили свои вещи в дальний конец, а сами сели ближе к дверям. Олег Сергеевич и Матвей сидели на передних сиденьях, рядом с водителем.

Ехать было недалеко, и, если бы в середине пути Кирюшу не затошнило, мы бы добрались минут за двадцать пять. Но пришлось останавливаться и наблюдать, как бледно-зелёный Кирюша ещё минут десять дышит воздухом, а потом ждать, пока он с распоряжения эколога поменяется местами с камуфляжным.

Тот теперь оказался рядом со мной, можно было при желании пообщаться. Но он сразу прислонился к окну и закрыл глаза. То есть умудрился уснуть прямо под шум разговоров и «удачные» анекдоты Алмаза. И я подумала, что этот самый Матвей – псих. Тихий такой псих. Потом бросила думать о нём и стала наслаждаться тем, что я не дома.

Матвей

Юля – самая хорошая девушка на свете. Это абсолютно точно. Она пришла к нам в гимназию в сентябре. И я сразу влюбился. До этого я тоже влюблялся. В шестом классе в соседку по парте. И даже собирался ей в этом признаться, но, пока собирался, почему-то разлюбил. Наверное, в том возрасте так и бывает. На этом мой опыт общения с девушками исчерпывался. Поэтому, когда увидел Юлю и понял, что спокойная жизнь кончилась, я решил что-то делать. Как-то с ней познакомиться, пока никто вперёд не успел. Потому что абсолютно ясно, что не одному мне она понравится. Завести дружбу для меня было делом сложным: я необщительный. Я не мог просто подойти к девушке и начать с ней болтать о фильмах и музыке, как это делали другие парни в классе.

А если уж девушка мне нравилась, пиши пропало. Я маялся, маялся и поделился своей проблемой с приятелем. Тот меня обсмеял. Сказал: «Купи шоколадку, мягкую игрушку и позови в кино – девяносто процентов девчонок на это ло-

вятся». Я так и сделал. Купил шоколадку, мягкого зайца и билеты в кино. Но потом вдруг подумал: «А что, если у неё уже есть такой заяц, а на шоколад, к примеру, аллергия? И кино я вполне мог выбрать не по её вкусу. К тому же Юля явно не могла относиться к девяноста процентам девушек». Шоколадку я съел, зайца зашвырнул на шкаф, а билеты отдал другу.

В принципе на этом всё могло и закончиться, если бы Юля не заговорила со мной сама. Как раз тогда, когда я уже сильно нервничал и понимал, что или я делаю первый шаг, или пролетаю. А тут бах – и всё срослось само. На осенней дискотеке, куда я притащился, чтобы понаблюдать за Юлей, замаскировавшись в уголке, она ко мне подседа и сказала, что абсолютно не любит танцевать, её бесит современная музыка, а пришла она, потому что надоело быть новенькой и хочется быть с народом. Я практически дар речи потерял и выглядел, наверное, идиотски. Тем не менее мы поболтали, а потом сбежали с этой дискотеки и гуляли по парку.

Она меня не любила. То есть никогда не говорила, что любит, а я предпочитал думать, что ей просто неудобно это сказать. Встречались же мы пару раз в неделю: и в кино ходили, и на крытый каток... Конечно, мне всегда хотелось, чтобы у нас были более близкие отношения. Чтобы не только я говорил: «Юлька, я тебя люблю», а она тоже говорила мне подобное. Хотелось её целовать. Но, в конце концов, и так хорошо. Гораздо лучше, чем просто сидеть в одном классе.

И вот так протянув целый учебный год, я и получил «я тебя не люблю». И был убит этим очевидным фактом...

Я вспоминал это, сидя во дворе незнакомой школы. Мне надо было проанализировать всё, найти ошибку. И на это – максимум неделя. Потом я вернусь в город и попытаюсь ошибку исправить.

Рядом собирались ребята из Олеговой группы. Три девчонки и три парня. Одна из девчонок постоянно мешала мне думать своим громовым голосом. Она была высокая, толстая, непонятно как влезшая в узкие розовые джинсы. Решительная сосиска, и только. Крутилась вокруг Олега, изображала бурную организационную деятельность. Вторая, напротив, оказалась рахитичной, бледной, да ещё и в белой футболке. Привидение на фоне летнего буйства красок. Третья девчонка вообще издали показалась мне парнем. Только когда подошла ближе, стало ясно, что это объект женского пола. Просто с короткой стрижкой и одетая «унисекс». От парня её отличали разве что серёжки-гвоздики. Среди парней тоже была пара антиподов: высокий тощий и низенький пухлый. Только тут пухлый был тихий, а худой активный – только пришёл, сразу начал лезть к девчонкам с общением. Ещё был нерусский парень по имени Алмаз.

Вскоре я узнал, что девочку-сосиску зовут Ксения, девочку-привидение Оля, а девочку-мальчика Ира. Ни одна из них Юле даже в подмётки не годилась. Тощего парня звали Егор, пухлого – Кирилл.

Мы приняли какие-то малопонятные правила и погрузились в маршрутку. На всякий случай я там притворился спящим, чтобы ни Олег, ни ребята не стали со мной разговаривать. Но им и так было хорошо. Алмаз всю дорогу нёс какую-то чушь, над которой народ то хихикал, то просто громко ржал. Девочка-мальчик на соседнем сиденье, впрочем, молчала. И вообще выглядела мрачновато, словно тоже в этот лагерь ехала не по желанию, а по принуждению, как и я.

Наконец «газелька» подрулила к облезшим синим воротам с ржавой надписью «Дружные ребята». Лагерь был законсервирован несколько лет назад, и теперь предполагалось, что мы тут немного поживём.

– В корпусах нам будет слишком просторно, – сказал Олег, – нас мало, поэтому поступим так: я открываю три домика для обслуживающего персонала. В один заселяются мальчики, в другой – девочки, в третьем буду я. Один из корпусов тоже откроем под свои нужды – занятия провести, вечером посидеть. В домике сторожа живёт, естественно, сторож, там есть плита, готовить будем по очереди, оперативно и особо человеку не мешая.

– А эм/жо где? – спросил Егор.

– Во-он там, – Олег махнул рукой в сторону футбольного поля, – сразу за полем. От наших домиков далековато, но лишняя пробежка никому не мешает. Там же недалеко контейнер для мусора, туда ничего не бросать: не вывозят. Всё, что соберём, составим в мешках рядом, потом на

деревенскую свалку. В другую сторону – колодец. Из колодца воду брать только для мытья пола, рук, обуви. Ни в коем случае не пить, питьевую будем возить во фляге из деревни. Открою домики, и мальчики пойдут со мной на склад, матрасы и одеяла там ещё сохранились. Постельное взяли все?

– Ага, – отозвался Алмаз.

Домик обслуги был небольшой. Довольно тесно друг к другу там стояли пять древнейших кроватей с панцирными сетками. В одной из них сетка была продрана и сверху лежал кусок плотной фанеры. Ещё в комнате имелось две тумбочки, два табурета, сломанная электроплитка и множество разнообразного мусора на полу. Стены щедро украшали всякие надписи и картинки.

– Ёо! – лаконично высказал свои мысли Егор.

– Д-да нормально. – Алмаз бросил рюкзак рядом с крайней кроватью и прыгнул на сетку. – Д-даже прикольно.

– Алмазик, ты это будешь убирать? – спросил Егор. – А Олег заставит.

– Может, девчонок попросим? Они полы лучше моют, – мирно предложил Кирилл.

– Ну точно, ну... девчонок... – Егор скорбно покивал. И посмотрел на меня, как будто ожидал и моего мнения. Я промолчал, и он задал уже прямой вопрос: – А ты, молчун, собственно говоря, кто?

Я пожал плечами. Вопрос был глупый: у школы Олег меня представил.

– Зачем приехал? Ты что, Олегу родственник? – не уни-
мался Егор.

– Сосед, – сказал я и вышел на улицу. Чтобы отстали.

Чуть позже мы отправились на склад. Алмаз всю доро-
гу что-то напевал, Кирилл рассматривал берёзки, Егор шёл
за Кириллом, периодически копируя его взгляд и походку, и
довольно улыбался.

Я подумал, что Егор с Ксенией друг друга стоят. Два са-
пога – пара. Такой, как Егор, мог бы понравиться Юле. Она
любила в парнях «задатки лидера». Я никогда не был лиде-
ром, правда, и отбросом не был, всегда болтался в середине,
в массовке. Наверное, это было неправильно. Но по-другому
не получалось...

Не знаю, сколько лет складское помещение уже не откры-
вали, но было оно с затхлым тяжёлым воздухом, запылённое,
завешанное паутиной. Паутина при нашем входе угрожающе
зашевелилась.

– У-у-у, Кирюша, паучки... – зашипел Егор. – И темно-о-
о...

Кирилл тут же сделал шаг назад.

– Егор, выбирайте те, что получше. – Олег показал паль-
цем в угол, на кучу матрасов. – Одеяла вот тут, в шкафу, за-
крыты. Посушим – и будет нормально.

– А подушки? – повертел головой Кирилл, однако в поме-
щение так и не вошёл.

– А подушек, кажется, нет. Но это же не беда?

– Ну не ехать же за ними в город, – сказал Егор. И посмотрел на меня. – А ты, значит, паучков не боишься? И темноты тоже. И на пыль аллергии нет?

– Я ничего не боюсь, – соврал я. – Ещё будут глупые вопросы?

Олег укоризненно на нас посмотрел. Кажется, мы начинали нарушать его правило позитивного общения.

Ира

Пока матрасы и одеяла прожаривались на солнышке посередине футбольного поля, изрядно заросшего травой, мы втроём выгребли грязь у себя в комнате. Набралась половина большого пластикового мешка. Те, кто уезжал отсюда в последний раз, были просто свиньями. Ксюха сгоняла к сторужу за парой пустых вёдер для мытья пола, там же она разжилаась какими-то невероятной ветхости тряпками. Пока мы выбирали из тряпок те, которые было наименее противно брать в руки, на пороге нарисовался Егор. Дверь, конечно, была распахнута, но для приличия мог бы в неё и постучать. Естественно, он этим не затруднился.

– Помощь нужна? – деловито осведомился он.

– А что, у себя уже убрались? – задала встречный вопрос Ксюха.

– Ну-у-у... – Егор подумал, – в общих чертах.

Всё понятно: удрал с уборки изображать тут героя. Это

вполне в его стиле. Я открыла рот, чтобы послать его подальше и поконкретней, но тут пришли Олег Сергеевич с камуфляжным. У того рукава футболки были теперь закатаны, а взгляд так и не изменился, мне даже захотелось на вены ему посмотреть – ну не может человек так фигово выглядеть без помощи наркоты. Я всё больше склонялась к мысли, что Матвей – какой-то родственник эколога, а притащил тот его сюда переживать ломку.

– Девушки, – бодро сказал Олег Сергеевич, – я вам помощь привёл. Мусор унести, воды налить. Пользуйтесь, пока мужчина свободен.

– Мужчин не существует, – отрезала я, – лет сто.

Странно, что эколог этого не знал. Что-то нарушилось в биосфере Земли. И мужской пол выродился, а то, что вместо него осталось, слова доброго не стоит.

– Неправда, мы существуем, – с некоторой задержкой, вполне вписывающейся в картину наркомании, отозвался Матвей, взял стоящий у крылечка мешок с мусором и удалился.

Егор задумчиво смотрел на меня. Наверное, тоже считал, что мужчины существуют. А может, даже мнил себя оным, наивный.

– А ты воду носи тогда, – решила за него Ксюха.

Егор просиял, как будто ему вручили леденец, а не пару грязных вёдер. И отчалил. Олег Сергеевич удовлетворённо кивнул нам и тоже ушёл, очевидно считая, что сделал вели-

кое благо, приведя этих помощников. А мы вполне могли бы справиться сами. Тем более Егорова помощь мне всегда выходила боком. Помнится, зимой я потянула ногу на соревновании, и Ерёмин мыл класс в моё дежурство. Я потом отделаться от него не могла: то пуговица у него отлетит – «пришей, Ира», – то ключи от дома потеряет – «можно у тебя посидеть?». Не хотелось мне больше такого счастья.

– Ирк, ты чего? – осведомилась Ксюха, заметив, что мне всё это не нравится. – Ну от Егорика ты бегаешь, а этот новый тебе чего сделал?

– Да ну его, – ответила я и добавила: – Тоже урод. Спал всю дорогу как укуренный.

– Ничего он не укуренный, – вставила Оля обиженно, как будто я нелестно отозвалась о её плюшевом медвежонке, а не о парне, которого она первый раз сегодня видит. – На вид даже хороший.

– «На вид»! – передразнила её я и хотела уже добавить какую-нибудь дежурную гадость, но тут Матвей вернулся.

– Вот, вынес.

И тут же пришёл Егор:

– Вот, принёс.

И встали оба на пороге, как совершившие невероятный подвиг. Смех. Егор поставил вёдра, плеснув из них водой Матвею на кроссовки. Матвей даже не шелохнулся.

– Ну спасибо, идите у себя мойте. Может, у вас и получится, – подвела итог Ксюха.

– Так не бывает, – уверила её я.

Матвей развернулся и послушно ушёл. Егору пришлось показать средний палец и на тропинку.

Домик парней из-за кустов и берёзок с нашего крыльца было не видно – торчала только его крыша. Поэтому, когда мы вымыли пол и Ксюха предложила ради прикола сходить посмотреть, чего там они натворили, я согласилась.

В комнате нам открылась следующая картина: пол был расчерчен кусочком кирпича на четыре квадрата. Квадрат, в котором валялся рюкзак Матвея, был уже вымыт. И, как ни странно, довольно пристойно. Квадрат Алмаза был вымыт кое-как, сам он со скучающим видом сидел на фанерке, прикрывающей одну из кроватей. Кирюша, стоя на коленях, возился в своём углу. Егор без дела сидел на корточках в своём квадрате, но, увидев меня, внезапно начал тереть его с энергичностью взлетающего реактивного самолёта.

– Что, неудачники, – громко пригвоздила Егора и Кирюшу Ксюха, – дома за вас мама убирается?

– Ну точно, ну... мама... – отозвался Егор. – Дом – это дом, а тут – это хлев. Это экологическая экспедиция, а не акция «Отмой заброшенный лагерь на халяву».

– Нежные, да? – сказала им я, разозлившись. Егор со своим эстетством тут был просто смешон.

– Анекдот п-про уборку, – включился в разговор Алмаз. – «Женщина у себя дома 3-занимается уборкой, и в-вдруг звонок в дверь...»

– Подожди, Алмаз, – попросил Егор, поднявшись и бросив тряпку. – Тут вопрос организации, между прочим.

– Тут вопрос глазомера и ровности рук, – отрезала я.

И мы с Ксюхой вышли на улицу. Егор что-то вкнул вслед, но я это уже не расслышала.

Ксюха тут же объявила, что надо посмотреть, как убрался Олег Сергеевич. И даже позвала меня с собой, но я отказалась. Наверняка Громова бросится ему помогать. А брать на себя чужую работу мне не хотелось, пусть Ксюха из-за своей любви сама страдает.

К себе в комнату идти тоже не хотелось: погода слишком хороша, чтобы сидеть в помещении. Да и что там делать? Матрасы ещё сушатся, даже постель не заправишь. Поэтому я нашла чудом сохранившуюся скамейку в тени берёз и села на неё отдохнуть. Было здорово. Тихо, и пахло травами. Только за городом начинаешь понимать, какой гадостью дышишь там. И родителям моим, скорей всего, сейчас неплохо – можно орать сколько влезет и не оглядываться, что рядом дочь.

Справа от скамеечки торчал заржавевший питьевой фонтанчик, слева – такая же старая урна. Не иначе когда-то это был неплохой лагерь. А может, его и откроют ещё, сейчас уже начинают открывать раньше закрытые лагеря.

Я подняла голову, прикрыла глаза и подставила лицо солнцу. Оно тонкими нитями прорывалось сквозь кружевные листья. Всё-таки в этом что-то есть – в природе без че-

ловека.

Послышались чьи-то шаги. Наверняка Егор тащился сюда, отравить мне недолгий отдых. Я мысленно выругалась и открыла глаза. К скамейке шёл Матвей. Чуть лучше, но не намного. Потому что знакомиться и общаться я не собиралась. И чтобы ему не пришло это в голову, я сразу сказала:

– Иди отсюда.

Тем не менее он на секунду тормознул у фонтанчика, провёл по нему пальцем и всё-таки сел на скамейку. А мне не ответил, как будто я была так, листочком, пылинкой, но никак не человеком. Тогда я молча пнула его по ноге. Естественно, больно. Но он и на это не отреагировал. С такой же пользой можно было пинать берёзки. Тогда я решила его тоже не замечать. Подумаешь, сидит рядом манекен, растирает ржавчину между пальцами.

Я нагнулась и принялась расшнуровывать кроссовки. В рюкзаке у меня болтались резиновые шлёпанцы, и стоило переобуться уже давно, как я только об этом не подумала.

– Натёрли? – ожил вдруг манекен.

Я даже вздрогнула от неожиданности.

– Угу.

Он вздохнул. Не то от сочувствия к моей проблеме, не то чему-то своему. И я задала ему логичный вопрос:

– Что употребляешь: водку, гашиш, «тяжёлые» наркотики?

– Не важно, – ответил Матвей. И после паузы добавил: –

Лучше бы употреблял.

Ну такая тоска от него исходила, что следующая мысль, которая ко мне пришла, это что с ним случилось что-то очень плохое. Умер кто-то, к примеру.

– Не одному тебе хреново, – сказала я на всякий случай.

Он повернулся ко мне:

– А у тебя что?

– Да предки задолбали. Разводятся. – Я хотела добавить пару крепких выражений, но удержалась.

Он снова вздохнул:

– А мои и не сходились.

– Везёт.

– Не знаю.

– Везёт, – уверила его я. – Когда дома вопят и кидаются стульями, это жуть!

– Интересно, почему так происходит? – спросил Матвей. Хотя по его голосу не было заметно, что ему хоть что-то интересно.

– Что – происходит?

– Люди любят друг друга, а потом раз – и не любят.

– Потому что люди – идиоты. Это очевидно.

Матвей покачал головой, словно не был со мной согласен, но вслух говорить ничего не стал. Ну и чёрт с ним! Я с шумом втянула в себя воздух с лёгким берёзовым ароматом и тоже замолчала. А что говорить, если я права, а он пока этого не понимает.

Сзади, за скамейкой, послышался шелест листвы. На этот раз это был, как я и ожидала, Егор. Ломился по кустам, как будто тропинок мало.

– Чего пришёл? – спросила я, когда стало понятно, что нас он увидел и теперь, конечно, не уйдёт.

– Лавочку ищу, – сориентировался Егор, перескочил спинку скамейки и уселся рядом со мной.

– Сядь на травку, – посоветовала я, отодвигаясь. Правда,

отодвигаться мне было особо некуда, разве что вплотную к Матвею. – Или на травку мама не позволяет? Или сам боишься, что мурашек в штанинку заползёт?

Егор попробовал меня ущипнуть, но я ловко перехватила его руку и грозно сказала:

– Даже не вздумай!

Он ещё немножко подёргался, но скоро сдался.

– Между прочим, – сказал он, засовывая руки в карманы, – мы приехали делать общее дело – убирать берега озера. Вполне вероятно, через два года состоится конец света и всем нам хана. И вот, Ира, перед самой гибелью вся жизнь промелькнёт у тебя перед глазами, и ты вспомнишь, что сделала доброе дело. А ты сейчас делаешь злое дело – ломаешь мне руку. И что ты увидишь перед смертью?

– Я что, виновата, что ты слабак? Слегка схватишь тебя, а уже и кости треснули.

– Конец света каждые полгода обещают, – вставил вдруг Матвей. – Ни разу не сбылось.

Матвееву реплику Егор проигнорировал, а мне ответил:

– Я не слабак, но как я могу бить девушку?

– С твоими силами – никак, – отрезала я.

– Ну точно, ну, – буркнул он. – А я, Ира, между прочим, подтягиваюсь больше двадцати раз. Так что если бы захотел...

– А ещё ты приседаешь сто раз, – продолжила я.

– И пресс качаешь свыше девяти тысяч раз, – опять вме-

шался Матвей.

– Чего сказал? – с вызовом произнёс Егор. И посмотрел на Матвея таким злобным взглядом, что я уже обрадовалась тому, что они подерутся. Хоть какое-то веселье.

Ага, не тут-то было!

– Ребята, убрались в домиках? – раздался голос Олега Сергеевича. Он стоял и смотрел на нас.

Егор как-то сник.

– Убрались, – пробурчал Матвей.

– Ну молодцы, – ответил Олег Сергеевич, улыбнувшись. – Сейчас вместе вымоем пол в корпусе, поедим то, что можно сразу съесть. А потом на озеро. А после озера – готовить еду на вечер, заносить матрасы...

Такую драку сорвал!

Матвей

Любовь – это эфир, которого нанюхаешься – и вот тебе уже хорошо. А когда он улетучился, у тебя болит голова. А эфир, как я знал из курса химии, обязательно улетучится. Было забавно наблюдать за девчонкой, которую звали Ксения. Она старалась быть поближе к Олегу. Ну да, нанюхалась эфира. А завтра Олег скажет, что ты, Ксюха, мне не нужна. Не будет же он с ней жизнь связывать. И что ей тогда делать-то? А сейчас и у неё всё хорошо... Но как я хотел бы поменяться с Ксенией ролями, побыть хоть чуть-чуть с мо-

ей Юлей. Когда-то моей. Наверное, я должен был стараться отвыкнуть от мысли о том, что она моя. Но не хотел. Она должна была позвонить. С телефоном я не расставался с самого заезда. Слава богу, хоть Сеть здесь ловилась. А когда батарейка сядет, можно подзарядить у сторожа.

Всё остальное меня мало колыхало. И то, что спать придётся на воняющем сыростью матрасе, и то, что вокруг незнакомые люди, и то, что питьевая вода за полтора километра. Бывают романтики, которые от такого даже приходят в восторг.

Мы вскипятили у сторожа чайник, пожевали бутербродов и отправились на озеро. По замыслу Олега, это было эпохальное событие.

Однако озеро оказалось под стать моему настроению – унылая тарелка с водой, каких по области сотни. Этакая лужа-переросток, поросшая с одной стороны камышом, а с другой забросанная благами цивилизации: окурками, битым стеклом, остатками костров, консервными банками. Со стороны цивилизации метров на десять в озеро уходили осклизлые мостки. Наверное, с них можно было купаться, а у берега плохое дно. У самого озера слегка пахло тиной, тростником и прибрежной глиной. Вокруг же разливался запах молодой полыни.

Я сел на какую-то серебристо-зелёного цвета траву и посмотрел на Олега. Тот, с широченной улыбкой, будто бомж, набредший на залежи пустых бутылок, решал, вероятно, как

и что он будет здесь спасать. Рядом со мной примостился Алмаз, он, видимо, не горел желанием тотчас же строить здесь экологический рай. Чуть ближе к воде села странная девочка-мальчик Ира. Я уже получил от неё пинок, хотя, по моему мнению, незаслуженно. Но не отвечать же девушке. Она была чем-то похожа на меня, в том смысле, что ей было тоже плохо.

– Отлично! – объявил Олег. – Здесь мы и будем работать следующие дни.

– Ну точно, ну, – пробурчал Егор. И плюхнулся на землю недалеко от Иры.

Только Оля с Кириллом принялись бродить вокруг, как бы намечая фронт работы. Кирилл даже подобрал какую-то ерунду. Правда, тут же положил обратно – всё равно мусорных мешков мы с собой не захватили, а пришли приглядываться.

– Лучше всего будет обойти озеро вокруг, – сказал Олег, – по дороге я вам немного о нём расскажу. Это замечательное место.

Егор кисло ухмыльнулся. Но Ира уже встала и пошла за Олегом. Естественно, Ксения тоже. Так что Егор отправился за ними.

– Олег Сергеевич, а это что за трава? – спросил Кирилл, показывая куда-то себе под ноги.

Я потрогал телефон в кармане. Телефон всё не звонил.

– Анекдот п-про траву, – оживился Алмаз. – «В голланд-

ском зоопарке лев с-съел посетителя и умер от п-передозировки».

Все захихикали. Нет, я серьёзно полагал, что половина моих одноклассников крепко больны на голову, но эти ребята были круче. Я не стал подниматься, сидел и смотрел на воду. Всё это начало доставать. И особенно Олег, который, кажется, собирался водить меня везде чуть ли не за руку. Хотя я ещё в городе поклялся, что никаких глупостей, пока он за меня отвечает. Вот и сейчас он обернулся, каким-то шестым чувством определив, что не все за ним пошли, и сказал:

– Матвей, пойдём. Начинаю рассказ об озере.

– Я тут побуду, – отозвался я и соврал: – Голова кружится, я посижу.

Совралось легко, потому что голова у меня иногда и правда кружилась. Мама говорила, что от того, что быстро расту.

Олег посмотрел на меня с сочувствием, а девочка-привидение вдруг негромко сказала:

– Олег Сергеевич, я тогда с ним останусь, ладно? А вы идите.

Это был лучший выход для всех. Группа удалилась, а я остался один. Ну, то есть почти один. Но Олю можно не считать: она была тихая, медленная и в общем даже могла сойти за деталь пейзажа. Сейчас она стояла вросшим в землю камышиком. И только я так подумал, камышик оживился.

– Сильно голова кружится? – Она приблизилась, наклонилась и тревожно посмотрела мне в глаза. Как будто вычисляя

степень головокружения по искрам и звёздочкам. Её глаза были светло-серые, как дорожная пыль.

– Угу.

– Надо голову опустить пониже, – авторитетно заявила она, – так кровь прильёт, и станет легче.

Наверное, она в детстве очень часто играла в больничку. Потому что не стала дожидаться реакции пациента, а взяла меня за щёки ладошками и показала, как надо опустить голову.

– Да ерунда, – сказал я. – Сейчас водичкой умоюсь – и пройдёт.

Всё-таки наглая была эта Оля. Она меня первый день видит-то, а уже руками хватает. Юля и то не хватала меня за щёки, хотя пару раз при ней у меня правда голова кружилась, и я обливался из школьного фонтанчика, чтобы полегчало.

– Не вставай, – тем временем решила Оля. – У меня есть платок, я его намочу и тебе дам, положишь на лоб. Может, ты просто перегрелся.

А может быть. Может, я даже вчера перегрелся. И мне всё, что Юля сказала, показалось. Хотя нет, вчера утром было прохладно, да и днём не то чтобы жара...

Оля достала из кармана шорт платок и пошла по мосткам. Странная. Намочить можно было и с берега. Впрочем, какая мне разница. Я прищурился, глядя туда, где Олег сейчас вдохновенно вещал про озеро. Да, они уже хорошо удалились. И пусть бы ходили подольше.

И тут... Некоторые звуки могут иметь несколько значений. Ну там в квартире что-то треснет, и ты понимаешь – может, лампочка рванула, может, чашку кто уронил, а может, и камешком в стекло запузырили. Сейчас мне даже смотреть не надо было: звук был однозначный. Дурында Оля поскользнулась на мостках и грохнулась в воду. Вместе со своим платочком. Через секунду выяснилось, что она умеет не только тихо и вяло разговаривать, но и орать. Ещё через секунду я понял, что орать она умеет гораздо лучше, чем плавать. И что у неё даже не хватает мозгов вцепиться в мостки. Я вскочил, понёсся по берегу, потом по скользким деревяшкам и прыгнул в воду рядом с Олей.

– Мостки, дура! Цепляйся!!

Хорошо, что это не речка, где в начале июня вода ещё холодная, а уже прогретое озерцо. Хотя всё равно купаться в одежде и кроссовках – не лучшее занятие. Моё присутствие рядом Оле явно помогло, она перестала бестолково барахтаться и взялась наконец за деревяшку.

– Вылазь, я тебя подсажу.

Я вытолкнул её и проверил глубину: чуть выше моей головы, тонуть-то негде.

Когда вынырнул, Оля сидела на мостках и плакала.

– Ты меня напугал!

– Это ты меня напугала, – отбился я.

А вокруг озера в нашу сторону уже бежали ребята.

– Пойдём на берег, чего тут сидеть. – Я взял Олю за ру-

ку. Раз она меня трогала, мне тоже можно, тем более сама она, кажется, решила тут рыдать часами. – Совсем плавать не умеешь?

Она помотала головой.

– Плохо, – сказал я.

– Спасибо. – Она всхлипнула.

Я увидел, что левая рука у неё сжата в кулак, и аккуратно разжал её. Там обнаружился злосчастный платочек. Я усмехнулся и положил его на голову, теперь-то головокружение

прошло бы, даже если бы вообще было. Оля, глядя на меня, тоже хихикнула:

– Прикольно.

– Прикольно. – Я подумал, что, когда Юля позвонит, мне будет что ей рассказать. И про Олега, и про озеро, и про Олю...

Я машинально потянулся за телефоном в карман и, приронувшись к мокрому пластику корпуса, осознал, что телефон тоже искупался. Я вытащил его и застыл на месте. Он не работал. Это был конец!

Ира

Два дурака – пара. Первый дурак – Матвей, стоял весь мокрый, в одной руке держа белый платок, а в другой – мобильный телефон. И на этот телефон, словно на драгоценную икону, он, не отрываясь, смотрел. За Матвеем стояла вторая мокрая дура – Оля, с ужасом глядя ему через плечо.

У меня есть телефон, но я им не пользуюсь, разве что очень нужно. А так лучше с глазу на глаз поговорить. И уж точно это достижение прогресса недостойно такого дикого взгляда на себя, каким смотрел на него Матвей.

– Что случилось? – спросил Олег Сергеевич.

– Я с мостков упала, – сказала Оля, – а он меня спас.

– Н-неизвестный г-герой, – вставил Алмаз.

– Матвей, ты как? – участливо спросил у героя Олег Сер-

геевич.

Матвей стоял и всё ещё смотрел на свою мобилу. Потом оторвал взгляд и сказал:

– Всё...

– Всё нормально? – уточнил Олег Сергеевич.

Я бы тоже уточнила, потому что нормальным Матвей не выглядел.

– Он сломался, – показал Матвей на телефон. – Как я теперь буду звонить? – Внезапно он повысил голос: – Олег, как я буду звонить??

– Поживёшь несколько дней без телефона, – спокойно сказал Олег Сергеевич. – Тебе это сейчас даже полезно.

– А вы знаете, что мне полезно?! – заорал Матвей так, что Оля от него отшатнулась, как от сильного ветра. – Зачем вы меня сюда приволокли?? Чтобы издеваться?

– Успокойся, – твёрдо сказал Олег Сергеевич. – У меня есть телефон. Нужно будет – позвонишь.

– Она не знает вашего номера! – выразительно сказал Матвей и резко сунул в карман свой телефон. – Она не позвонит!!

– Она не позвонит, – подтвердил Олег Сергеевич.

– Сволочь! – сказал Матвей.

Стало тихо. Нет, ну у нас в параллели, конечно, были отороженные парни, которые могли обозвать учителя прямо так, в глаза, но Матвей на них был абсолютно не похож. Ну пришибленный, конечно, но вполне на вид воспитанный.

– Слушай, ты! – вдруг прочухалась Ксюха. – Ты чо тут разорался??

Матвей смерил её презрительным взглядом и внезапно сел на траву. Будто у него кончились силы.

– Вот и хорошо, – сказал Олег Сергеевич. – Сейчас вернёмся в лагерь, обсудим всё, решим, что делать.

– Пошёл ты со своим лагерем! – Матвей снова вскочил, бросил платок на землю и побежал. В обход озера в сторону берёзового леса. Бежал, кстати, довольно быстро. Я-то догнала бы даже в шлёпках, но зачем оно мне надо?

Олег Сергеевич посмотрел на нас, потом приказал Оле:

– Иди, переодевайся в сухое. – И осведомился: – Кто ещё плавать не умеет?

– Я, – признался Кирюша, – только немного умею.

– Он т-топориком умеет, – ухмыльнулся Алмаз.

– Значит, на мостки ни ногой. А те, кто умеет, купаться будете только в моём присутствии. Что будем делать дальше? Я думаю так: мальчики возьмут у сторожа флягу и пойдут в деревню за питьевой водой. Девочки, соберите все продукты и подумайте, что будем делать на ужин.

– А вы пойдёте искать этого придурка, – закончил Егор.

– Егор, мне кажется, я видел твою руку, когда выдвигал правило позитивного общения, – устало сказал Олег Сергеевич.

И на самом деле пошёл в ту сторону, куда побежал Матвей.

– Ну а чо, клёвый у Олега сосед. – Егор повернулся ко мне: – Наверное, вчера из дурдома.

– Заткнись, – посоветовала я. – Может, у человека случилось чего.

Мы двинулись в лагерь. У сторожа и правда нашлась огромная фляга на скрипучей тележке. С флягой Егор, Алмаз и Кирюша отбыли в деревню по дороге, указанной тем же сторожем. А мы с Ксюхой принялись оценивать продуктовые запасы. Больше всего полезностей было, естественно, у Кирюши, а Егор вместо нормальной еды приволок какую-то растворимую китайскую гадость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.